

Дорогой мой Валентин Яковлевич! Вот еще только август месяц едва начался, а я от какого-то непонятного страха, что лето кончится, хожу и бубню себе под нос: «Вот и лето прошло, словно и не бывало...» Никогда не было у меня этой «жажды жизни впрок», а теперь как будто что-то сломалось. И щемящая строчка «бесконечно» близкого мне Арсения Тарковского — «только этого мало!..» — откликается пластилиновым эхом «маловато будет!» из незабвенного мультика «Падал прошлогодний снег» (Царство Небесное А. Татарскому, замечательно доброму клоуну нашей мультипликации!).

Я буквально «между делом» (по-другому не получается; и — с конца к началу, по годам, как, вероятно, и должно воспринимать этот «синематограф памяти») дочитываю Ваши «Уходящие острова» — медленно, вдумчиво, глубоко со-чувствуя с Вами и так же глубоко огорчаясь «абберрации восприятия окружающей среды» Александром Михайловичем (Борщаговским. — Ред.), когда речь заходит о религии, вере, Христе и христианстве. Я даже сделал некоторые выписки, иллюстрирующие один из моих предметов преподавания «Диалог религиозного и нерелигиозного мировоззрений», где на все четыре вопроса «на засыпку» моих студентов (возможность, необходимость, целесообразность и полезность этого диалога) Вы с А. М. успешно ответили «да».

При всем том горечь от «абберрации» остается, поскольку это «типичный случай», восходящий (или нисходящий?) не только к «домашнему богословию» М. Булгакова или Л. Толстого, но к первой и главной ереси в христианстве (если не в мире), являющей собою отрицание божественности Христа. Здесь — навскидку — и Арий, и ересь назореев едва ли не первого века, и — ежели и дальше в глубь веков — «Сказал безумец в сердце своем...» (*Пс.*, 52. 2). Так что — тот же самый ветер «кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои...» (*Эккл.*, 1. 6).

Вполне понятно, что для А. М. «единственно близко христианство Л. Толстого», хотя слишком многие (и не только церковные) мыслители указывали, что в таковом христианстве отсутствует Сам Христос (крайний случай такого постулирования — Огюст Конт: «христианство без Христа»).

---

* Александр Борщаговский, Валентин Курбатов. Уходящие острова. Эпистолярные беседы в контексте времени и судьбы. — Иркутск : Издатель Сапронов, 2005. — 568 с.

А. М. пишет: «*Вчитался, наконец, и в те книги Л. Толстого, за которые никогда прежде не брался, — «Исповедь», «В чем моя вера?»*», «Исследование догматического богословия». Но ведь, «вчитавшись», легко увидеть, что «Исповедь» сия отнюдь не исповедь, приводящая к метаноёе, изменению сознания, перевороту мировоззрения и самой жизни, как, например, видим в «Исповеди» Бл. Августина, а стойкая оборона «**моей**» веры (краеугольный вопрос — «во что?»). А для того, чтобы всерьез «исследовать догматическое богословие», видимо, необходимо прежде всего положительно решить для себя вопрос чуда (а это, как следствие, и вопрос веры), чего у Льва Николаевича мы и с огнем не сыщем.

А. М. пишет: «*Отец, гордо заявивший о себе в 1916 году при получении паспорта как об атеисте (в графе «вероисповедание»), воспитывал меня в тех нравственных (но ведь отнюдь не духовных! — Ю. К.) правилах, которые вполне сливаются с нравственными советами и поучениями Христа, Евангелия*». Сливаются — да, может быть, — в той горизонтали, где говорится «Возлюби ближнего...» (Мф., 22. 39; Левит, 19. 18). Но этот постулат сам по себе «не срабатывает» без вертикали «Возлюби Господа...» (Мф., 22. 37; Втор., 6. 5). Поэтому «любая из религий» отнюдь не «того же ждет и требует от своей паствы» — иначе она перестанет быть религией и превратится в школярски-занудное «нравственное учение», от скуки которого зубы ломит и хочется завить на луну.

Простите, еще процитирую: «*...живи праведно, самоусовершенствуйся, стань лучше и выше (нравственно, душевно)* [тут моя квадратная скобка с вопросом: а духовно? И еще — толстовский, из «Исповеди», вопрос — зачем? для чего? — Ю. К.], и если так же поступят сотни миллионов других людей («что вряд ли», как говорил язвительный Зоценко. — Ю. К.), мир устроится как нельзя лучше». Мир, конечно же, «этот» — еще один отголосок всемирной «вавилонской» ереси под названием Царство Божие на земле — «здесь и теперь».

Ну и заключительная цитата в этом вопросе: «*Нравственное самоусовершенствование — позиция, которой не оспорить никому*». Потому что (это уже я. — Ю. К.) — по логике А. М., если идти до конца, — «не о Боге, не о Христе веду я разговор». Ну а я вот (вослед многим и многим!) оспариваю, поскольку таковая позиция есть подмена (та же «абerrация») средства — целью, целого — частью, то есть, по сути, все та же фрагментация сознания, преодоление которой и является целью религии (христианства!).

Простите, бога ради, мое занудство, но ведь как раз от всего этого и непонятно человеку — почему (Ваши слова) «*только русскому сердцу привидится*». Не о «чистоте крови» ведь речь, а о духовном начале в земном облике православного христианства; это мы и называем русским. Наверно, я человек немного наивный, поскольку не могу уразуметь, как возможно, сознательно цитируя Гоголя (о Н. Языкове: «*...наши поэты видели всякий высокий предмет в его законченном соприкосновении с верховным источником мироздания — Богом*»), не вспомнить и Тютчева («Не поймет и не заметит / Гордый взор иноплеменный, / Что сквозит и тайно светит / В наготе твоей смиренной...»), не вспомнить и не довериться этим его словам, тем более что «Не плоть, а дух растлился в наши дни, / И человек отчаянно тоскует...».

Еще раз простите меня, я не с Александром Михайловичем «через годы и расстояния» пикируюсь, а с пресловутым «нерелигиозным сознанием». Тем более что Александр Михайлович столь замечательно ощущает, как, например, «*...Аксенову в высшей степени безразличен сам народ, а особенно деревенский, он еще мог когда-то увлечься экзотикой, какой-нибудь эксцентрической фигурой бородатого сторожа, но проникнуться драмой стомиллионной деревни не мог*

никогда». Потому-то и (замечательно сказано!) «валит, что язык слепит». А у меня сразу перед глазами встает Андрей Кончаловский, за которым, после его изумительных «Аси Клячиной» и «Дяди Вани», я наблюдаю с непомерно возрастающим «инопланетным» изумлением: вот аберрация так аберрация!

Зато как замечательно Вы понимали еще сто лет назад (в 1984 году!): «Если остальные наши богоискатели и умудрялись оставаться живы, то только оттого, что компромиссу местечко выкраивали, а уж если душа велика и полноты ищет, то она не согласит писательства с христианством, то есть гоголевского, горького, смешного, страждущего всеединства. Это две равные бездны, и в одной душе их не удержат — или-или. И вот он оставил одну для другой, то есть остался Гоголем до конца и во всей полноте гением, без затмения. Сказал же он: “Как светло умирать!” Как это согласить затмение и свет?»

Вот потому-то (понятно, никоим образом не соотнося себя с Гоголем!) я уж лет десять к версификации отношения не имею: слишком большая ответственность «дара» — чем возвращать? А поэзия ведь и впрямь блудная дочь молитвы. И Хайдеггер прав, что «философия померла». Правда, замечу, померла не философия, она будет бесконечно продолжаться как неистребимо экспериментальная пытливость апостола Фомы; «померла» в человеке потребность Бога, и «люди разучились думать, потому что это долгое и обременительное занятие» — все только «здесь и теперь»: «однова живем!», «бери от жизни все!».

И как современен Ваш Диоген: «Старайся не утратить бедности, не дай отнять ее у тебя. Ведь ясно, что фиванцы будут вновь приставать к тебе, считая несчастным». Как тут не помянуть наших братьев-американцев с их ребяческим «добром» христианства и демократии, забываемым по самую рукоятку — ни охнуть, ни вздохнуть! Ваши слова: «Удивительно прочно оказались закрыты эти господа от хотя бы догадок о нашем характере. Еще никогда я не испытывал такого бессильного чувства, что говорю с глухими, хотя все они числятся еще и докторами философии и вполне начитаны в наших Бердяевых, Лосских, Карсавиных и т.д. ... У нас такие ребята ведут атеистические кружки».

Таких ребят у нас валом; даже тот же Витечка Ерофеев, даже друг степей и шоу-бизнеса Бари Алибасов — да кто ни попадя! — тужатся что-то о вере порассуждать (и непременно — в телевизоре!).

Тут же мое дикое недоумение: откуда у А. М. взялось представление, что «Америка набожная»? Лет десять назад настоятель храма святой мученицы Татианы при МГУ протоиерей Максим (Козлов) писал: «Недавно в американском сенате дебатировался закон о том, можно ли в государственной школе дать детям, принадлежащим к той или иной вере или конфессии, тридцать секунд (!) для молчаливой молитвы. И когда закон был принят, Конгресс США его опротестовал, потому что таким образом оскорблялась бы свобода совести атеистов». Хорош пельмень? (спросил слон, вывалявшись в муке).

Интересно-забавен ход рассуждения А. М. о том, «где больше Христа» — в православии или католичестве. По всей видимости, А. М. хорошо помнил «речь» князя Мышкина (когда тот среди великосветского раута, размахивая руками, вазу разбил) о невозможности перехода православного (его благодетеля Павлищева) в католичество, где князь говорит о том, что «католичество — нехристианская религия». А. М. тут же привлекает в союзники Набокова, который «отважно и просто говорит о реакционной публицистике Достоевского». Но ведь Набоков — мягко сказать — не любил Достоевского, сердился, как Юпитер, раздражался его стилем, «композицией» — всем. А ежели про «реакционность» — то уж лучше бы вспомнить завзятого дарвиниста и «либерального народника» Михайловского, заклеившего Федора Михайловича как «жестокий талант», а еще лучше — мрач-

новатого «соцреалиста» Горького или записного, по-большевистски пристрастного обличителя реакционности Кирпотины.

Религия (христианство) и, в частности, богословие всегда реакционны — то есть реагируют, защищая Истину. А Достоевский и есть рыцарь апологетики и художественного богословия, которое во все времена было действием вынужденным, ответным, «реакционным». И вот здесь я не могу согласиться ни с Вами, ни с Андреем Битовым, что «не будь “Бесов” Достоевского, не было бы и революционных “бесов”». Опять какая-то аберрация; Гоголь сокрушался, что «бесов наплодил», но это не переносится автоматически на Ф. М., который их высветил и «выкрестил».

Зато как замечательно-знаменательны Ваши строки об иконописце Зиноне, о котором я что-то читал и много слышал. Почти физическое ощущение возможности очищения от одного «стояния» рядом с ним. А в памяти — хотя и «вдруг», но медленно, как на фотобумаге при красном фонаре, — проступают строчки совсем из другой, «альтернативной» оперы — бесовские происки: «Я себя под Лениным чищу...» (понятно, Маяковский), «...и Ленин, как рентген, просвечивает нас» (понятно, Вознесенский); — «...тьфу, пропасть! — говорит она, — и тот дурак, кто слушает людских всех врак...».

А еще — говорят, будто Дионисий Ареопагит ну никак не мог писать к апостолу Иоанну Богослову, поскольку в посланиях цитирует его же; а я вот не могу удержаться, чтобы «паки и паки» не процитировать Вас: *«Судьба свела меня с иконописцем Зиномом. Я в монастыре у него гостил, и теперь вот мы через день, а то и каждый день видимся — он пишет алтарь для Серафимовского придела нашей Троицы. Я исполняю обязанности хора в его службах. Служили обычно еще его послушник Алеша и помощник в живописных и плотничьих работах, а теперь и вовсе вдвоем на весь храм служим. И это устанавливает в душе новую, полную, вселенскую какую-то тишину, на фоне которой завтрашнее метание в делах кажется особенно суетным и случайным...»*

И еще — из Вашего иркутского письма — о всех нас, грешных, «наживляющих веру». Буду цитировать, не удерживайте: *«...послужили там с батюшками в Саянске, причастились с В. Распутиным и В. Толстым. Я даже и почитал часы и Апостол по послушанию. Храмы все новенькие, полы лакированные, того гляди поскользнешься. В непогоду заставляют надевать бахилы (постоянные прихожане тотчас приноровились оставлять в храме свои тапочки и тут же переобуваться). И молитва с иголки. И пение школьно трогательное, когда барышни пока (а поют, как везде, в большинстве барышни) норовят показать себя, голосок свой и умиление. Но образа писаны строго, резьба на иконостасах вполне «ропетовская», изоциренная (так уж привыкли «молиться» русские мастера), кованые паникадила ненаглядны (тоже молитва железная). И как-то и гнев на полировку и музейность проходит. Все им внове. Только наживляют веру»**.

А может быть, «гром победы» — в поражениях наших? Тютчев в 1854 году по случаю крымского (очередного — с точки зрения современности) позора: *«О, в этом испытанье строгом, / В последней, в роковой борьбе, / Не измени же ты себе / И оправдайся перед Богом...»*. А в 1863-м, когда уже «призрак коммунизма», как бука, бродил по Европе: *«И этот клич сочувствия слепого, / Всемирный клич к неистовой борьбе, / Разврат умов и искаженье Слова — / Все поднялось и все грозит тебе, / О край родной! — такого ополченья / Мир не видал с первоначальных дней... / Велико, знать, о Русь, твое значение! / Мужайся, стой, крепишь и одолей!»*. Значение-то — прежде всего духовное, нежели геополитическое или социальное: «душа в страданиях растет» и дорастает-таки до духовного...

* В. Курбатов — Ю. Кабанкову от 8 июля 2007 г.

А то, что народ всегда «тосковал по силе и правде» — правда ваша... Только — если б еще и по Истине... Вот и получается: народ — чаще о земном (в худшем случае), а пастыри — чаще о небесном (в лучшем случае). Вот и падает, падает прошлогодний снег — и ныне, и присно: «Белый снег пушистый в воздухе кружится и на землю тихо падает, ложится». А под снегом — «воды затвердевают, как камень, и поверхность бездны цепенеет» (Иов, 38. 30).

«В человеке сие происходит; индевет душа, кристаллизуется; всякое внутреннее движение прекращается; и он идет, гордый, непроницаемый в неизвестном грехе своем по поверхности бездны, «аки по суху», и бездна поддерживает его, оскалившись в глубине своей»*.

Вот **«и роицет мыслящий тростник»!**..

Простите меня, ибо — по апостолу Павлу — «...от великой скорби и стесненного сердца я писал вам со многими слезами — не для того, чтобы огорчить вас, но чтобы вы познали любовь, какую я в избытке имею к вам» (2 Кор., 2. 4).

Ваш преданный читатель и Божий раб Георгий.

---

* Ю. Кабанков — С. Минакову от 19 января 1996 г. // Юрий Кабанков. Исход. Эпистолярный роман со временем. — Дальний Восток, № 3. — Хабаровск, 2004. — С. 188.